

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ БРИГАДА

УТРО ГЕНЕРАЛЬСКОЙ
КАЗНИ

Антикор

Кирилл Казанцев

Утро генеральской казни

«ЭКСМО»

2011

Казанцев К.

Утро генеральской казни / К. Казанцев — «Эксмо»,
2011 — (Антикор)

Генерал Рубинов служит в Управлении по тылу Министерства обороны. В его руках сосредоточены и большая власть, и немалые деньги. Но этого ему мало. Генерал проворачивает крупную аферу со строительством домов для военнослужащих. На государственные деньги он возводит роскошные особняки и продает их по рыночным ценам толстосумам. А офицерам раздает ветхие хрущевки. «Антикор» – тайная организация, карающая коррупционеров по принципу «цель оправдывает средства», – намерена положить конец наглой афере. В окружение к генералу внедряется агент «Антикора» Андрей Ларин. План чрезвычайно рискован, но и Ларин – лучший из лучших боевиков...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кирилл Казанцев

Утро генеральской казни

Глава 1

Коррупция в России – это не только гаишник, вымогающий на шоссе взятку у автолюбителя, не только ректор вуза, готовый за определенную таксу принять в стены подведомственного ему учебного учреждения любую бездарь, и не только продажный военком, дающий молодым людям необоснованное освобождение от службы в армии. Коррупция в России – это стиль жизни и среда обитания большинства ее граждан. По-другому вроде бы и не выживешь. Ведь с волками жить – по-волчьи выть.

Но всегда остаются идеалисты, пытающиеся бороться с системой, – правдоискатели. Они пишут жалобы, обращаются в суды и обычно плохо для себя кончают. Система обрушивается на них. Вычищать скверну законными методами нереально; та же «внутренняя безопасность» во всех без исключения силовых структурах занимается, как правило, только теми, на кого укажет пальцем начальство. К тому же корпоративная солидарность, продажность судов и, самое главное, низменные шкурные интересы российского чиновничества не оставляют никаких шансов для честной борьбы. Силе можно противопоставить только силу. Беззаконию – дать достойный ответ. Но правдоискатели чаще всего одиночки, они даже среди своих родных и близких редко находят поддержку. Где уж тут им обрести силу? Где взять ресурсы для борьбы с коррупцией? Однако невозможное иногда становится возможным. И такой человек нашелся. Им стал высокопоставленный сотрудник МВД, возглавлявший один из ключевых отделов аналитической службы, – это в официальной жизни, на государственной службе. На самом же деле Павел Игнатьевич Дугин создал и возглавил в Российской Федерации ни много ни мало мощнейшую и отлично законспирированную тайную структуру. В отличие от большинства подобных организаций эта структура не ставила целью свержение действующего режима с последующим захватом власти. Цели были более чем благородными: беспощадная борьба с коррупцией в любых ее проявлениях и притом исключительно неконституционными методами.

Костяк тайной структуры составили те честные офицеры-силовики, которые еще не забыли о старомодных понятиях: «порядочность», «совесть», «присяга» и «интересы державы». Ведь одиночке, сколь бы благороден он ни был, не победить тотальную продажность властей. Начиналось все с малого. Офицерам, выгнанным со службы за порядочность, Дугин подыскивал новые места работы. Тем более что его генеральские погоны и высокая должность в главке МВД открывали в этом направлении самые широкие возможности. Затем начались хитроумные подставы для «оборотней в погонах», тех самых честных офицеров уволивших. Для этого несколько наиболее проверенных людей были объединены в первую «пятерку». Вскоре организовалась еще одна. Затем – еще. Заговор против коррупции, а потому – заговор в самом хорошем смысле этого слова, охватил не только структуры МВД и ФСБ. Вскоре к нему присоединились и армейские офицеры, просто честные люди.

Ведь заговор – это не обязательно тайные собрания на конспиративных квартирах, одеяла на окнах, зашитые в подкладку шифровки, подписи кровью и пистолет, замаскированный под авторучку. Залог любого успешного заговора и любой тайной организации – конспирация и полное взаимное доверие. Искусством конспирации Дугин владел в совершенстве. А доверие между заговорщиками против коррупции возникло сразу же. Ведь достала она в России всех и каждого.

Дугин не только выводил коррупционеров на чистую воду, он практиковал способы куда более радикальные и действенные, вплоть до физического уничтожения наиболее корруппи-

рованных чиновников. Точечные удары вызывали у них естественный страх; количество загадочных самоубийств в их среде росло, и многие догадывались, что эти смерти не случайны. Слухи о некой тайной организации, этаким «ордене меченосцев», безжалостном и беспощадном, росли и ширились, и притом не только в Москве, но и в провинции. Корпус продажных чиновников просто не знал, с какой стороны ждать удара и в какой именно момент этот удар последует. Что, в свою очередь, становилось не меньшим фактором страха, чем сами акции устрашения.

Сколько людей входило в тайную структуру и на сколь высоких этажах власти эти люди сидели, знал только Дугин. Даже в случае провала одной из «пятерок» структура теряла лишь одно звено, да и то ненадолго – так у акулы вместо сточенного ряда зубов очень быстро вырастают новые.

Людей в организацию, особенно исполнителей, кому в законспирированной системе отводилась роль этакого «боевого копья», Дугин подбирал лично и очень тщательно. Одним из самых талантливых и успешных «карателей» тайной организации являлся Андрей Ларин – бывший наро-фоминский оперативник, бывший заключенный ментовской зоны «Красная шапочка», бежавший из нее не без помощи Дугина. И, как догадывался сам Андрей, таких «боевых копий» у Дугина наверняка было несколько. Пластическая операция до неузнаваемости изменила лицо бывшего наро-фоминского опера – случайного провала можно было не опасаться. Жизненного и профессионального опыта Андрея было достаточно, чтобы быстро ориентироваться в самых сложных ситуациях. Природного артистизма – чтобы убедительно разыграть любую нужную роль, от посыльного до губернатора. Все эти качества Ларин уже не раз использовал при выполнении заданий, полученных от Павла Игнатьевича Дугина. На его счету имелся с десяток ювелирно проведенных «карательных» операций против коррупционеров. И наверняка эти качества Андрею Ларину предстояло продемонстрировать в самом ближайшем будущем. Но на каком именно поприще, он мог лишь догадываться. Дугин никогда не делился информацией раньше положенного времени...

* * *

Когда слышишь слова «армия», «вооруженные силы», «оборонная мощь страны», сами собой в сознании возникают виденные в реальности, в теленовостях, в художественных фильмах образы: сверхзвуковые истребители, выписывающие в небе невероятные фигуры высшего пилотажа, старты межконтинентальных ракет, запущенных с подводной лодки, пылящие по степи танки, раскрывающиеся один за одним купола десантных парашютов... Все это так, армия – люди, техника, вооружение, боеприпасы. Однако редко кто вспоминает, что за всем этим в первую очередь стоят деньги. «Железо» производят заводы, Министерство обороны исправно его закупает, военнослужащим выплачивается денежное довольствие, им нужно где-то жить, содержать семьи. Кроме того, огромных средств требует обустройство полигонов, проведение учений, поддержание боевой готовности. А где большие деньги – там и поле деятельности для коррупционеров. Ко всему прочему всегда можно прикрыться законом о государственной тайне. Ведь армия – структура закрытая. Вот и воруют в Вооруженных силах кто сколько может. Недаром же еще с советских времен прапорщиков, заведующих складами, называли «людьми с одним погоном». Мол, второй постоянно прикрыт мешком, в котором прапор таскает украденное.

Чем выше должность и звание, тем больше у офицера возможностей. Вот и отдаются своим людям заказы на поставку продовольствия, за копейки продают нужному человеку ни дня не работавшую, простоявшую на консервации технику. Солдаты, вместо того чтобы приобретать боевые навыки, вкалывают с лопатами и мастерками на строительстве дач для пол-

ковников и генеральских особняков. Ну а о списанном топливе и других горюче-смазочных материалах даже и подумать страшно.

Большинство ворует понемногу, но регулярно, рискуя попасться. Однако мечтой каждого казнокрада является – украсть один раз, зато уж столько, чтобы потом себе и внукам хватило на безбедную жизнь. Хапанул однажды, сошло с рук – и можно в дальнейшем вести добропорядочный образ жизни. И такие возможности регулярно возникают в армейской среде на уровне не ниже генеральского. Происходит это в полном соответствии с физическим законом Ломоносова – Лавуазье, известным каждому школьнику: «Если в одном месте чего-то убудет, то в другом месте того же столько же обязательно и прибудет». Убывает всегда, естественно, только из государственных средств, выделенных на содержание армии. А вот чтобы прибывало не в частных карманах, а в рамках Министерства обороны, и существует малоприметная для взгляда обычного обывателя армия интендантов, военных экономистов, бухгалтеров, проверяющих, инспекторов, занятых в службе тылового обеспечения. И самое странное, что даже там, поближе к деньгам, иногда попадаются честные офицеры.

Вот такой «белой вороной» и был полковник Павлов. Он хоть и носил военную форму, но редко бывал на полигонах – все больше просиживал на совещаниях и в своем кабинете за компьютером. Для него годовые и квартальные отчеты не были сухим набором цифр. Он смотрел на них, как поэт смотрит на стихи, где должен быть четкий размер и идеальные рифмы. Неважно, насколько «не бьет» цифра – на десять рублей или на десять миллионов. Малейшее несовпадение – и уже нет гармонии. В рамках одного отчета обычно цифра «бьет» – ведь составляет его человек, знающий, сколько и чего украл, а потому грамотно прячущий хвосты. Однако стоит сопоставить бумаги одного исполнителя с бумагами другого, и сразу же на поверхность выплывает обман. Получается что-то вроде детской игры, когда кто-то рисует голову человечка, а потом загибает бумагу, дорисовывает в продолжение шеи две палочки и отдает следующему участнику. Тот дорисовывает плечи, загибает бумагу, вновь выводит палочки и передает очередному игроку. В результате на развернутом листе появляется монстр почище чудовища Франкенштейна, с мужской головой, женским торсом и собачьими лапами.

Именно такая картина, только в смысле финансов, и получалась у полковника Павлова, когда он сопоставил оказавшиеся по долгу службы на его столе бумаги, касающиеся реализации жилищной программы для российских военных. Государство сделало благородный и давно ожидаемый жест – выделило огромные деньги для того, чтобы в течение нескольких лет обеспечить жильем всех нуждающихся российских военнослужащих. Вот и появились первые «ласточки». Генерал-лейтенант Анатолий Никодимович Рубинов – заместитель начальника одного из департаментов тылового обеспечения Минобороны РФ, под началом которого и служил полковник Павлов, почему-то решил начать исполнение жилищной программы в гарнизоне Первомайский. Хотя вроде бы и округ не самый важный. Гарнизон расположен в Карелии, строительство жилья планируется вести на территории артиллерийского полигона, неподалеку от финской границы. С одной стороны, вроде и правильно. Места экологически чистые, можно даже сказать, курортные: озера полны рыбой, девственный лес с дичью, грибами да ягодами, никогда здесь не было промышленности, пестицидами и нитратами землю не отравляли, да и Выборг неподалеку.

Вот только в то, что генерал-лейтенант Рубинов искренне решил соорудить за госсредства рай на земле для простых офицеров, полковник Павлов поверить не мог. Особенно удивило его то, что в качестве подрядчика Рубинов решил задействовать не российскую организацию, а немецкую строительную фирму «Дас Хаус». А ведь мог выбрать вариант подешевле – не нравятся ему отечественные строители, пригласил бы белорусов или украинцев. Но странным образом в тендере приняли участие всего три компании. Две из них были российские, почему-то заявившие запредельную и явно нереальную цену квадратного метра. Вот так и получилось, что тендер в результате выиграли немцы. Но полковник прекрасно знал, как такие тендеры

с заведомо известным результатом проводились, проводятся и будут проводиться в России. Отмести честных участников тендера несложно – крючкотворцы по заказу тут же отыщут в поданных документах ненадлежащим образом оформленные страницы. Причем сделают это за день-два до проведения тендера. Времени на исправление уже не останется. Настораживало другое – строились не стандартные многоквартирные дома, а самые настоящие западные особняки с гаражами, и их площадь в квадратных метрах измерялась трехзначными числами. Трудно себе было представить офицерскую семью, въезжающую в такой дом. Ко всему прочему гарнизон Первомайский, где располагались учебный некадрированный артполк, склады боеприпасов с отдельной ротой охраны и отдельный инженерный батальон, входил в состав бригады, которой командовал генерал-майор Васьков. Тот самый Владимир Павлович Васьков, давний приятель генерал-лейтенанта Рубинова. Они еще вместе в Суворовском учились.

«А ведь строительной фирме «Дас Хаус» предстоит освоить двадцать пять миллионов евро бюджетных денег, – подумал полковник Павлов и тут же решил: – Не иначе как рука руку моет».

После этого предположения он, как честный служака, и начал собственное расследование: копировал попадавшие к нему в руки документы, как бы невзначай расспрашивал сослуживцев, втайне от начальства собирал информацию. Вскоре картина сложилась очень четкая и прозрачная. На многие неясные вопросы получили толковые ответы. Все свидетельствовало о том, что генерал-лейтенант с дружкой Васьковым решили обкатать новую коррупционную схему в программе обеспечения нуждающихся военнослужащих жильем.

Полковник Павлов не был наивным правдоискателем. В конечном результате он рассчитывал передать документы или министру обороны, или же самому главнокомандующему. Ведь в любом другом случае, обратиться он в инстанции пониже, проверку вскрытых фактов поручили тому же генерал-лейтенанту Рубинову, а он в свою очередь не преминул бы расправиться с дотошным полковником из своего тылового департамента.

Павлов еще продолжал собирать компрометирующую информацию, когда стали проявляться странные вещи. Как-то он обнаружил, что в его служебном столе, а также в сейфе копались в его отсутствие. Потом кто-то пытался взломать систему защиты на его рабочем компьютере. С этого момента полковник стал чрезвычайно осторожным. Он уже не рисковал оставлять в своем кабинете бумаги и носители информации. Все, что касалось строительной фирмы «Дас Хаус» и гарнизона Первомайский, он хранил теперь только на ноутбуке, с которым приходил на службу и с ним же уходил домой. Дважды на домашний телефон посреди ночи кто-то звонил и вкрадчивым голосом советовал «поберечь свое здоровье». Павлов на всякий случай отправил семью отдыхать.

До окончания расследования оставалось совсем немного. Полковнику даже удалось записаться на прием к министру обороны. Встреча была назначена через неделю. Вот за несколько дней до нее все и случилось...

Утром полковник Павлов, как всегда, вышел из дому, чтобы отправиться на службу. Он шел обычной дорогой к охраняемой автомобильной стоянке, чтобы взять свою машину. Июньское солнце успело подняться высоко, согрело воздух. Полковник шагал по пустынной улице. С одной стороны тянулся сетчатый забор стоянки, с другой – казавшаяся бесконечной серая бетонная ограда промзоны. В руке Павлов сжимал портфель с ноутбуком. Изредка по проезду проезжали, дребезжа пустыми кузовами, строительные самосвалы. Проезд был старый, необустроенный – асфальтовая полоса дороги и гравийные обочины вместо тротуаров.

Павлов услышал за спиной хриплое гудение мощного двигателя. Мотор грузовика работал неровно, постукивая. Он обернулся. К нему приближался старый разболтанный «КрАЗ». В плоских стеклах кабины зеркально отсвечивало слепящее солнце. Полковник хотел сойти на обочину, но водитель «КрАЗа» сам принял влево и прибавил скорости. Павлов еще успел в знак благодарности кивнуть ему за то, что уступил дорогу, как грузовик, почти поравнявшись

с ним, резко вильнул вправо. Широкий бампер ударил полковника. Павлова бросило на бетонную ограду промзоны.

«КраЗ» резко затормозил. Из-под сдвоенных скатов, скользнувших по обочине, повалила густая пыль. Фуражка, слетевшая с головы Павлова, подпрыгивая, катилась по асфальту. Водитель грузовика соскочил на землю, быстро осмотрелся. Свидетелей ДТП поблизости не наблюдалось. Он подбежал к упавшему в пыльную траву Павлову. Из разбитой головы густо текла кровь. Остекленевшие глаза смотрели в выцветшее летнее небо.

Водила-убийца не походил на обычного работягу, хотя и был одет в строительный комбинезон: холеные руки, бородка-эспаньолка, аккуратно и коротко подстрижен. Выправка выдавала в нем военного, а судя по годам, он, скорее всего, являлся офицером запаса.

Убийца, убедившись, что Павлов мертв, склонился над ним, воровато схватил портфель с ноутбуком, торопливо проверил – на месте ли компьютер, и тут же исчез в кабине грохочущего «КраЗа». Тяжелый грузовик, подняв клубы пыли, снова выехал на асфальт и вскоре скрылся за поворотом.

Тело полковника, лежавшего в густых зарослях у бетонного ограждения промзоны, обнаружили ближе к обеду. Прибывшая милиция быстро «восстановила» подробности гибели военного финансиста. «КраЗ», сбивший пешехода, стоял на пустыре за два квартала отсюда. Грузовик угнали с ближайшей стройки, скорее всего, еще ночью.

С профессиональной деятельностью гибель полковника никак не связали. Просто несчастный случай. Скорее всего, молодые люди угнали «КраЗ», чтобы покататься, не справились с управлением и совершили наезд. Они скрылись с места ДТП, а потом испугались, бросили машину и убежали, догадавшись стереть в кабине отпечатки пальцев. Получилась, в общем-то, банальная история. Даже родные полковника Павлова не заподозрили, что убийство умышленное. О пропавшем вместе с портфелем ноутбуке никто даже и не вспомнил.

Глава 2

Андрей Ларин всегда помнил о том, что, работая в тайной организации по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти, он постоянно подвергается опасности. В недрах МВД и ФСБ одновременно работало несколько групп, пытавшихся противостоять этому «ордену меченосцев». Иногда им кое-что удавалось. Пару раз сыскарям посчастливилось выйти на пятерки в нижних звеньях. Но тех, кто их направлял, интересовали члены организации высшего уровня и «боевые копы» – каратели, типа самого Ларина. Но даже в этих группах силовиков и спецслужб имелись люди, преданные Дугину. Они вовремя и информировали руководителя об опасности. Благодаря этому, а еще своим умениям и предельному чутью Андрею уже не раз удавалось избежать ареста.

Бывший наро-фоминский опер иногда нарушал инструкции Дугина, но неизменно придерживался одного правила – не оставлять на конспиративных квартирах, которые приходилось менять не реже раза в месяц, ничего, что могло бы вывести на след организации: ни документов, ни носителей информации.

Этим ранним утром Андрей не думал о плохом, хотя и был готов к нему. Предстоящая встреча с Павлом Игнатьевичем Дугиным могла означать новое задание. Правда, время и место встречи были выбраны довольно странно. Место – задано по GPRS-навигации, только координаты. Время – пять часов тридцать минут утра. Что ж, у Дугина могли быть свои резоны и свои секреты даже от такого проверенного человека, как Ларин. Андрею предстояло проехать тридцать километров за Кольцевую в северном направлении от Москвы, на что могло уйти не больше часа.

Июньское солнце уже поднялось над горизонтом, когда Ларин спускался по лестнице во двор. Он принципиально старался не пользоваться лифтом. Во-первых, для того, чтобы еще раз дать нагрузку мышцам. А во-вторых, лифт – это всегда потенциальная ловушка. Достаточно обесточить, остановить кабину – и пассажира можно брать практически голыми руками.

Прежде чем выйти из подъезда, Андрей еще раз глянул на экран айфона, вызвал на него карту и задал координаты, указанные Дугиным. Мысленно запомнив маршрут, стер координаты из памяти. Осторожность никогда не помешает. Айфон можно потерять, его могут украсть. В конце концов, тебя вместе с ним могут захватить. А координаты – это прямой путь к Дугину, человеку, возглавляющему тайную организацию.

Ранний час. Пустой подъезд. Неторопливые шаги Ларина гулко разлетались между бетонных стен. На нижней площадке он выглянул сквозь застекленное окошко. На крыльце никого. Коротко пискнул электронный замок, и железная дверь отворилась. Во дворе среди припаркованных машин утренний ветер гонял пустые мешки из-под мусора. Один из них черной кляксой медленно взмывал вдоль стены двенадцатиэтажки. Жителям крупных городов редко доводится видеть такие пустые дворы и улицы. Их можно наблюдать только очень ранним утром.

Андрей глубоко вдохнул посвежевший за ночь прохладный воздух. На аллейке, ведущей к улице, он увидел двух мужчин в оранжевых комбинезонах. Они граблями лениво сгребали скошенную траву. Неподалеку был расстелен кусок выгоревшего брезента метра два на два. Ларин тут же насторожился – в такую рань обычно даже и дворника не увидишь, а тут работники «Зеленстрой»... «Это ж во сколько у них рабочий день начинается?» – подумал он, уже понимая, что никакие это не работяги.

Был еще вариант, что эти «ранние птички» – наружная охрана, приставленная Дугиным. Но Ларин отмел и эту мысль. Ну, не мог Павел Игнатьевич действовать так топорно. Наружка никогда не выставляется напоказ. А если уж и приходится это делать, то убедительно. Вот если бы на ящике, позаимствованном из овощного магазина, сидел бомж, это было бы приемлемо. Такой человек ранним утром ни у кого не вызовет подозрений.

Андрей не останавливался, не сбавлял шаг. Ведь главное – не показать противнику, что ты разгадал его планы. Тогда фактор внезапности окажется на твоей стороне.

«Зеленстроевцы», как и ожидал Ларин, активнее заработали граблями, стали подгребать траву поближе к дорожке, выложенной бетонными плитами.

– Встречное движение, – решил Андрей, – готовят точку пересечения.

Он даже не пытался пока представить, как эти здоровые мужики, маскирующиеся под работяг, оказались здесь, кто их мог прислать и зачем. Практика подсказывала: главное уйти от них, а уж потом будет время на размышления. Да и фактов прибавится.

«Зеленстроевец» с угрюмым лицом, втянув голову в плечи, сосредоточенно двигал граблями, уже абсолютно не заботясь о том, чтобы зубья подхватывали траву. Его напарник – круглолицый коротышка, находился по другую сторону бетонной дорожки, грабли держал, забросив их на плечо, вроде бы прикуривал, хотя даже не удосужился прикрыть зажигалку ладонью от ветра и не спешил крутануть колесико.

Андрей уже четко представил себе, что замыслили люди в оранжевых комбинезонах – беспрепятственно пропустить его между собой, а затем последует удар граблями с плеча от круглолицего. Угрюмый же довершит дело, повалит Ларина.

«Где-то здесь у них должна быть машина. Не на руках же они меня нести собрались по городу. Но с этим можно разобраться и позже».

Андрей с беззаботным лицом поравнялся с «зеленстроевцами». Рассеянным взглядом скользнул по напрягшемуся угрюмому, при этом краем глаза следил за круглолицым. Не зря же при всяком удобном случае Ларин тренировал боковое зрение и добился в этом определенных успехов. Он четко зафиксировал то, как грабли слегка приподнимаются над плечом круглолицего, сделал шаг вперед, чуть уклонившись вправо, и резко ударил локтем назад. Ларин уже не видел круглолицего, но по звуку и ощущениям не трудно было догадаться, что произошло. Локоть ударил в ребра, круглолицый хрипло вскрикнул, послышался звук падения.

– Первый пошел, – не дожидаясь, пока угрюмый набросится на него со спины, Андрей метнулся назад и влево.

Противник неосторожно подставил ему под удар бок, заноса над головой острозубые грабли. Удар ногой пришелся чуть выше бедра. Но угрюмый все же устоял на ногах и даже развернулся к Ларину.

«Небось боксом занимается», – подумал Андрей, оценив стойку угрюмого.

От первых двух ударов он успел уклониться. Против третьего, нацеленного в голову, умело выставил блок. Этим он хотел дать почувствовать угрюмому, что якобы принимает бойцовские правила бокса. Ну, а затем должен был сработать стереотип. И он сработал-таки.

Угрюмый был хорошим боксером – более сильным, чем Ларин. Ведь в боксе многое значит масса. Он умело отбил удар левой рукой и перешел в контратаку, за что и поплатился. В прыжке Андрей ударил его ногой в грудь, проведя абсолютно небоксерский прием. На этот раз на ногах устоять не удалось – угрюмый грохнулся на землю, врезавшись затылком в деревянную ручку граблей. Кем бы ни были эти мужики в оранжевых комбинезонах, расправляться с ними окончательно Ларин не собирался. В конце концов, ими могли оказаться и честные служаки из МВД, которым поручили задержать его как опасного преступника. Вот если бы они покусились на жизнь Андрея, тогда бы разговор пошел иной.

Андрей не побежал, он просто перешел на быстрый шаг. Метров через сто оглянулся – угрюмый уже пытался поставить на ноги своего напарника, тот тряс головой.

– Ну, вот и порядок. Фору я получил, – Ларин уже видел свою машину, стоявшую у самого бордюра.

Еще вечером Андрей не поленился сходить проверить – не подпер ли кто его автомобиль? А потому был уверен, что без проблем сможет уехать.

– Оба-на! – только и сказал Ларин, когда увидел припаркованную неподалеку патрульную милицйскую машину.

Сержант, сидевший за рулем, посмотрел на Андрея с явным недоумением, как и куривший у распахнутой дверки лейтенант. Возможно, они ожидали увидеть то, как Ларина, закрутив в выгоревший брезент, тащат «зеленостроевцы».

Лейтенант сперва бросился по направлению к Андрею, на ходу выхватывая оружие из кобуры. Но понял, что не успеет. Ларин уже заскочил в свой автомобиль и рванул с места. Сержант подхватил размахивающего пистолетом лейтенанта на середине пустынной улицы и, стремительно набирая скорость, помчался следом за беглецом.

– Машина-то у них новенькая, и движок хороший, – наблюдая за преследователями в зеркальце заднего вида, пробормотал Андрей.

– Стой! Стрелять буду! – кричал лейтенант, высовывая в боковое окно пистолет.

Завизжали на перекрестке протекторы. Ларина хоть немного и занесло, но он вписался в поворот и до предела утопил педаль газа. Широкая улица ровной полосой уходила к развязке.

Обычно во время тренировок Андрею приходилось отрабатывать отрыв от преследования или на заполненной машинами городской трассе, или же на шоссе. Когда уходишь от погони в потоке машин, преимущество в скорости не играет большой роли – все равно до предела не разгонишься. А вот на пустынной улице, если ехать прямо, неизбежно выиграет тот, у кого машина быстрее.

Патрульный автомобиль неумолимо приближался. Даже пытаться маневрировать, перекрывая ему пространство для обгона, на широкой, в сорок метров улице было нереально. Возможно, поэтому лейтенант так и не выстрелил – понял, что в соревновании моторов победа останется за милицией. Надо было срочно что-то предпринимать. С одной машиной еще можно играть в кошки-мышки. Можно рискнуть заехать во двор. Но неминуемо вскоре появится подкрепление. Черт бы побрал все эти рации и мобильники!

Патрульная машина уже забирала влево и шла на обгон. За опущенным стеклом виднелся азартно ухмыляющийся лейтенант. «Табель» плясал в его руке. Машины некоторое время шли вровень.

– Так мне долго не продержаться, – понял Андрей.

На перекрестке он резко вильнул вправо. Автомобиль подбросило на покато бордюре, и машина помчалась по тротуару. Милицкий сержант не успел повторить маневр. Теперь два автомобиля разделяло стальное ограждение, установленное вдоль тротуара. Лейтенант чертыхался и тряс пистолетом.

Ларин мчался вдоль стальных прутьев ограды парка и, когда показались ворота, тут же свернул в них. В зеркальце заднего вида он увидел, как милицйская машина разворачивается и мчится назад к перекрестку, чтобы в результате оказаться на тротуаре и продолжить погоню.

– Ну, вот. Выигрыш во времени есть, – решил Андрей. – Вот только планировку парка я не знаю, никогда здесь не был.

Он ехал по пешеходной аллейке, ближайшие ворота оказались закрыты навесным замком. Но как-то же заезжают сюда мусороуборочные машины... Должен быть еще один выезд.

Мелькали деревья. Андрей оказался на кольцевой площадке возле фонтана. Вдалеке он уже видел маячившую среди стволов милицйскую машину. Аллейки радиальными лучами расходились от круглой площадки.

«Только б не ошибиться», – подумал Ларин, свернув наугад.

Как он помнил – другая сторона парка должна выходить к заводским корпусам. Наверняка там есть широкий проход. Все-таки толпа рабочих в конце смены не впишется в узкие воротца.

– Не мой все-таки сегодня день, – пробурчал Андрей, увидев, как навстречу ему по аллейке мчится еще одна милицйская машина. – Вот и подкрепление.

Пришлось свернуть с дорожки. Под бампером хрустнули декоративные кусты. Автомобиль Ларина уже переваливался по заросшему густой травой газону. Преследователи действовали согласованно, наверняка переговариваясь по рации.

«Видимо, все-таки придется уходить пешком, – прикидывал в уме Андрей. – Брошу машину возле ограды, перемахну через нее, а там посмотрим, кто из нас быстрее бежит. – Он открыл бардачок и сунул в карман куртки тяжелый, холодный с ночи пистолет, прихватил и две запасные обоймы. – Так будет спокойнее».

Но тут планы Ларина радикально поменялись. У просторного цветника стояла водовозка на базе «ЗИЛа». Водитель с резиновым шлангом в руках поливал цветы. Именно поливал в прошедшем времени – теперь же он вовсю пилился на то, как две милицейские машины прямо по траве преследуют гражданскую легковушку. А потому струя воды, бившая из шланга, уже лилась не на клумбу, а мимо – на траву.

Андрей резко вдавил тормоз и выскочил из машины. Мужик со шлангом в руке уставился на него и от удивления даже рот раскрыл. Раскуренная сигарета упала к ногам.

– Извини, мужик, так надо, – спокойно произнес Ларин, запрыгивая в кабину водовозки.

«ЗИЛ» рванул вперед. Благо двигатель, качавший воду, был запущен. Шланг сорвался с крана и остался в руках у водителя. Струйка воды опала и иссякла.

Теперь Андрей чувствовал себя более уверенно – ведь каждый водитель подсознательно сопоставляет себя с машиной, с мощностью двигателя. «ЗИЛ» катил по траве, оставляя за собой примятую колею. Милицейские машины двигались следом. Ларин высматривал, где лучше будет выехать на асфальт. Только здесь, в парке, на грузовике он и имел преимущество в проходимости.

– А вот, кажется, и подходящее место... – Андрей вывернул баранку, водовозка перевернулась через бордюр и покатила к декоративному пруду, в котором плавали утки. – Хорошо, что утро раннее и людей нет. А то пришлось бы понервничать, лавируя между детскими колясками.

Водовозка выехала на дорожку, окаймлявшую пруд. Милицейские машины пристроились за ней. Лейтенант вновь высунулся в окно, явно намереваясь стрелять по колесам.

– А вот этого делать не надо, – Ларин вдавил тормоз и резко двинулся задним ходом.

Что-то, а водить транспортные средства задом наперед Андрей умел виртуозно: будь то легковой автомобиль, грузовик или автобус. А вот в милиции этой технике вождения явно уделяли мало внимания. Вихляя, патрульные машины отступали. Одна из них не удержалась на краю дорожки и соскользнула с берега в воду. Второй пришлось немного помочь. Ларин несильно саданул фаркопом в радиатор. Засвистел пар. Лейтенант выскочил через распахнутую дверцу и, не удержавшись на скользкой траве, покатился в воду. Сержант же, сидевший за рулем, отчаянно пытался сопротивляться. Ведущие колеса вгрызались в землю, выбрасывая из-под протекторов клочья травы. Андрей аккуратно дождал, и второй патрульный автомобиль тоже ткнулся багажником в пруд. Вода хлынула в открытые дверцы.

– Порядок, – ухмыльнулся Ларин. – Хотя на время оставят меня в покое. Минут десяти новой формы мне хватит. А раньше подкрепление не прибывает, – проговорил он, глядя на то, как сержант что-то кричит в рацию.

Тяжелая водовозка уже сворачивала на аллею. Впереди светлел проем широких ворот парка. Андрей проехал по улице всего пару кварталов, свернул во двор и оставил водовозку за трансформаторной будкой. Через пару минут он с айфоном в руке уже стоял у бордюра. К нему подрулило такси.

– Это вы машину заказывали? – осведомился водитель.

– Так точно, командир. Спешу, а автобусы еще не ходят.

Узнав, что предстоит ехать за город, таксист покосился на тяжелый карман куртки Ларина, справедливо подозревая, что там может таиться оружие. Андрей поспешил развеять сомнения и заплатил вперед. Вид денег подействовал успокоительно. Ведь Ларин не преминул

ненавязчиво продемонстрировать, что денег у него в бумажнике хватает. К тому же из боковых кармашков торчало несколько кредиток. Состоятельный человек вряд ли пойдет на грабеж. Да и машина приметная – такси, вся в рекламных надписях.

– Только на смену выехал, – на всякий случай предупредил водитель. – Вы первый пассажир. Так что сдачи у меня не найдется.

– Не беда. Оставьте себе на чай. Мне главное вовремя доехать, – и Андрей посмотрел на часы. К назначенному времени он еще вполне успевал, хоть и задержался в парке, избавляясь от ментов.

– Если вы не против, я с включенным счетчиком только до Кольцевой доеду, а потом выключу.

– Это уже ваши проблемы.

Ларин законопослушно пристегнул ремень безопасности и откинулся на подголовник...

Сквозь дрему Андрей почувствовал, что такси тормозит. Открыл глаза.

– Как вы и просили – тридцатый километр, – услужливо пояснил водитель, показывая на столбик с табличкой.

– Ах да, спасибо. Я ничего больше не должен?

– Абсолютно ничего, – довольно улыбаясь, ответил водитель.

Ларин бросил взгляд на приборную панель – до времени, назначенного Дугиным, оставалось еще пятнадцать минут.

– Тогда счастливо.

Таксист немного удивленно смотрел на то, как состоятельный пассажир, подминая разросшийся возле дороги бурьян, спешит к лесу и исчезает в нем.

Ларин вновь вызвал на экран айфона карту и по памяти ввел координаты. Теперь оставалось только идти по указанному маршруту. Электронный подсказчик не подвел. Через семь минут Андрей оказался на лесном проселке. Автомобиль Дугина стоял под старой развесистой сосной, а сам Павел Игнатьевич мирно сидел на пеньке и попивал кофе из термоса. Завидев Ларина, он, прежде чем подняться и подать руку для приветствия, взглянул на часы.

– Не сомневайтесь, не опоздал, – улыбнулся Андрей.

– А я уж начал беспокоиться. Ты обычно загодя появляешься. Маячишь за кустами, иногда тебя и не заметишь, хоть знаю – ты рядом. Все обстановку проверяешь. Оно и правильно – «хвост» приводить за собой последнее дело.

– Пришлось немного задержаться...

Ларин хотел было коротко рассказать о том, что ему пришлось пережить. Подобная информация наверняка должна была заинтересовать и насторожить Дугина. Ведь конспиративная квартира, которую он предоставил Андрею, получалось, теперь «спалена» и возвращаться туда нельзя. Но Павел Игнатьевич остановил Ларина, подняв ладонь.

– Знаю-знаю, – по-отечески произнес он, и его мясистое лицо сделалось подозрительно добрым. – Ты успел вовремя, и, значит, норматив тобой сдан.

– Какой норматив?.. – не сразу понял Ларин, а затем до него дошло. – Так это вы снова меня проверяли, сумею ли я разгадать в двух рабочих «Зеленстроя» группу захвата? Сумею ли я отбиться от них? А потом уйти от патрульных машин в пустынном городе?

– Ну, конечно же, это была очередная проверка. Нужно держать себя в форме. Думаешь, почему лейтенант так и не выстрелил?

– Можно было бы и попроще. Если бы я знал, что это наши люди, не стал бы им машину портить.

– Условия всегда должны быть приближены к боевым. Когда знаешь, что противник условный, – это расслабляет. Непростительно расслабляет. Никто из них, кстати, не знал, кто ты такой. Они тоже не играли, не исполняли роли, а проводили операцию по захвату, с единственным условием, что не должно прозвучать ни выстрела и объект не стоит калечить. Ты

победил, они проиграли. И я сделаю соответствующие выводы относительно их профессионализма. Кое-кому придется уйти на переподготовку, а кое-кому и...

– Получить новое задание, – вздохнул Ларин. – Я угадал, Павел Игнатьевич?

– Не спеши. Хотя и понимаю, что ты засиделся без настоящего дела. Рано еще. Слышишь, как птицы поют, солнышку радуются? Ты лучше кофе хлебни. Птицам хорошо, живут, как о них в песенке поется: «Птичка божья не знает ни заботы, ни труда.хлопотливо не свивает долговечного гнезда».

– Вы о чем это, Павел Игнатьевич? Не замечал в вас раньше такой сентиментальности. Хорошая погода подействовала? – улыбнулся Ларин, прислушиваясь к пению утренних птиц. – Соловьи, что ли?

– Эх, Андрей, темный ты в некоторых отношениях человек. На асфальте вырос. Соловьи, они только весной поют. А это уже пересмешники. Они соловьев копируют, потому как своей песни у них нет. Плагиаторы, короче. Иногда теперь и такие среди них попадаются, что, наслушавшись рингтонов с мобильных телефонов, начинают и их передразнивать. А о гнездах я не просто так вспомнил. Ты что-нибудь о жилищной программе для военных слышал?

– Не больше, чем о ней по телевизору рассказывают. А насколько часто я телевизор смотрю, вы это сами знаете.

– Так, может, я в тебе ошибся? – прищурился Дугин. – И мне другого исполнителя для нового задания поискать?

Андрей налил крепкий горячий кофе в крышечку термоса, принялся. Странное это было сочетание: натуральный запах лесной хвои, смешанный с тропической терпкостью кофейного аромата. Но этот смикшированный запах самым лучшим образом подходил для раннего утра.

– Вам решать, Павел Игнатьевич.

Дугин еще раз глянул на часы.

– Времени у нас предостаточно. Я тебя пока немного в курс дела введу. А потом мы с тобой поедem в одно малоинтересное место, которого все стремятся избежать, но потом все равно туда попадают.

– Интригуете?

– Никакой интриги нет, Андрей. Просто есть у меня подозрение, что в очередной раз намечается масштабный раздербан бюджетных средств, на этот раз выделенных на строительство жилья для военнослужащих.

Ларин сидел на пенке, неторопливо попивал кофе. А Дугин не спеша говорил. Кое о чем Андрей уже знал, о многом догадывался. Но кое-что прозвучало для него и впервые.

– Я думал, хоть в армии порядка побольше, – вздохнул Ларин, – а оказывается, такой же бардак, как и повсюду.

– Повсюду, где есть большие деньги, появляется и коррупция, Андрей. Закон человеческой природы такой. Вот мы сидим с тобой сейчас в леске, чисто тут, аккуратно, воздух свежий, птицы поют, неподалеку ручей журчит... Райское место. А все почему? Потому что к нему человеческая рука не притрагивалась. Все само собой получилось, выросло, зацвело, запело. Только красота эта первозданная временна. Место-то козырное – тридцать километров от Кольцевой. Не удивлюсь, если на него уже кто-то глаз положил. На каких-нибудь планах вычерчивается его застройка. Поделят лес на участки, обнесут забором – и вырастут тут особняки. Государству за землю копейки, чиновники получить свои взятки возможности не упустят. Да, что это я тут о грустном? Давай наслаждаться, пока есть возможность, – и Дугин, прикрыв глаза, стал слушать пение птиц.

Ларин сидел и сосновой палочкой разгребал на земле опавшие иголки, обдумывая услышанное от Павла Игнатьевича...

* * *

Дугин свернул с трассы и остановил машину на просторной и почти пустой стоянке перед железобетонными воротами недавно открытого Северо-восточного кладбища. Наконец-то Ларин понял, зачем на заднем сиденье лежал букет цветов, завернутый в шелестящий узорчатый целлофан. Не на свадьбу и не на день рождения направлялись.

– Приехали, – сказал Павел Игнатьевич, беря букет белых калл.

Андрей посчитал бестактным интересоваться, к кому Дугин приехал, кому предназначен букет. Раз руководитель тайной организации по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти решил взять его, Ларина, в спутники на кладбище, то в этом есть какой-то смысл.

Новые железобетонные ворота выглядели внушительно: мощная арка, увенчанная двумя скульптурами скорбящих женщин и православным позолоченным крестом. Дугин шел, торжественно держа в руках букет, и по тому, как он осматривался, было понятно, что попал на недавно открывшееся кладбище впервые. Увиденное впечатляло и Ларина. Огромное пространство, на котором могло разместиться с два десятка футбольных полей, огораживал бетонный забор. Проложенные под линейку дорожки и проезды разделяли кладбище на квадраты. Повсюду виднелись указатели с цифрами секторов. Посреди поля высилась изящная часовня для отпевания усопших. А вот могил было совсем мало – на кладбище только-только начинали хоронить. Всего лишь в одном секторе, расположенном у самых ворот, виднелись монументальные надгробия. В других же, еще до конца не занятых, торчали лакированные деревянные кресты, краснели глиняные могильные холмики, зеленели пластиковой хвоей и пестрели бумажными цветами венки.

– Нам сюда, – сверившись с указателем сектора, проговорил Дугин и сошел с асфальтированного проезда.

Под ногами зачавкала раскисшая от недавних дождей жирная глина.

– Да уж, в такой земле не каждый согласится лежать, – проговорил Андрей.

– У покойников согласия редко спрашивают, – ухмыльнулся Дугин. – Да и зачем под кладбище хорошую песчаную землю отводить? Мне лично все равно, что с моим телом после смерти случится: песок ли желтенький, глина, или сожгут его в пепел да развеют по ветру. Главное, чтобы живым поменьше хлопот своим уходом доставить.

Дугин миновал ряд недавних могил, присматриваясь к фотографическим портретам в траурных рамках, словно выбирал, где остановиться.

– Ну, вот мы и на месте, – Павел Игнатьевич стоял возле могилы с немного запыленными венками.

Ларин смотрел на фотографию какой-то бабушки в клетчатом платке. Ее имя, фамилия и годы жизни абсолютно ничего ему не говорили. Ну, прожил человек почти девяносто лет, наверняка всякого повидала на своем веку старая женщина. Но он-то, Андрей, здесь при чем? Почему оказался в одной компании с Дугиным у ее могилы?

Павел Игнатьевич положил цветы на могильный холмик, скомканной газетой протер некрашеную деревянную лавочку и предложил:

– Садись, Андрей.

– Вы ее знали? – спросил Ларин, присаживаясь.

– Никогда в жизни не пересекались. Хотя, наверное, старушка была неплохим человеком. Взгляд-то у нее на фотографии добрый. Или специалист в «Фотошопе» постарался? Надеюсь, Ольга Петровна не в обиде на то, что мы, абсолютно незнакомые ей люди, пришли на место ее упокоения и даже цветы принесли.

– Ничего не понимаю, – честно признался Ларин, осматриваясь по сторонам.

Народу на кладбище было совсем немного – с десятков человек. Кто-то наводил порядок на могиле, кто-то вместе с представителем администрации кладбища осматривал предложенный участок.

– На могилу не смотри. Просто здесь лавочка стоит, – подсказал Дугин. – Думай, Андрей, думай.

Подсказка дала пищу для размышлений. Теперь Ларин уже другими глазами вглядывался в ряды могил. Наконец его взгляд зацепился и остановился на свежевыкопанной яме неподалеку. Место наверняка было подготовлено для сегодняшних похорон. Возле ямы лежали дощатые щиты, чтобы участники погребальной процессии не испачкали обувь раскисшей глиной. В куче комковатой земли торчали две лопаты с отполированными от частого употребления черенками. Место на лавочке, где расположились Дугин и Ларин, идеально годилось для наблюдения. А время было уже обеденное – самое подходящее для того, чтобы появилась похоронная процессия.

Дугин расстегнул нагрудный карман куртки и извлек из него плоскую фляжку из нержавеющей стали.

– Это так, для маскировки. Пусто там, – пояснил Павел Игнатьевич. – За рулем я никогда не пью. А ты козырек своей бейсболки пониже опусти, тебе сильно светиться не стоит, – произнес он, когда в воротах кладбища показался угловатый «пазик» с военными номерами.

Следом за ним уже втягивался небольшой военный духовой оркестр. Трубы поблескивали на солнце. Кладбищенский воздух завибрировал от звуков военного марша. За оркестрантами медленно двигалась вереница черных машин и почетный караул с автоматами.

– Не ниже полковника хоронят, – определил Ларин. – Почетный караул с салютом только от этого звания и положен.

– Правильно, Андрей, мыслишь. Именно полковника. И фамилия его – Павлов. О нем я тебе уже рассказывал. Обидно получилось. Он уже почти все документы собрал. Я не сомневаюсь, что его убили намеренно и никакого несчастного случая не было. Был бы он жив, я тебя не потревожил бы. Мои люди к нему давно присматривались. Через месяц, второй я собирался предложить ему вступить в нашу организацию. Но нас опередили. Абсолютно все собранное им бесследно исчезло, и рассказать он уже ничего не сможет. А человеком Павлов был осторожным, никого в свои тайны не посвящал.

Автобус остановился. Солдаты в камуфляже перенесли гроб из автобуса и водрузили его на подставку рядом с могилой, сняли крышку. Павлов лежал бледный, в парадной форме. Немолодая женщина в черном вложила ему в сложенные на груди руки выпавшую иконку.

– А вот и те, кто нас интересуется. Смотри внимательно. По легенде, ты должен знать их в лицо по фотографиям.

– Какая легенда? Вы о ней мне пока ничего не говорили.

– Всему свое время, Андрей. Вот самый главный фигурант – генерал-лейтенант Рубинов Анатолий Никодимович.

– С синеватыми мешками под глазами и лицом скрытого алкоголика?

– Он самый. Только почему – скрытого? Залить за воротник он умеет, как всякий военный. В армии без этого никак – ни начальство доверять не будет, ни подчиненные уважать. А рядом с ним увивается холуй с погонами подполковника. Это Слижевский, его помощник. Не исключая, что это он устранил Павлова. Может, и не лично, но убийство организовал, это точно. Возможно, был задействован кто-то из «Летучего эскадрона», о котором я тебе как-то говорил.

– Тайное подразделение Министерства обороны, созданное из бывших спецназовцев, для грязных дел? Значит, это он изъясил весь компромат?

– Похоже на то, что не только изъясил, но и копии себе оставил. Так, на всякий случай. Ты же знаешь логику холуев – служат своему хозяину до тех пор, пока он в силе, и всякие секреты,

попавшие к ним в руки, приберегают для шантажа. Завтра Рубинов вылетает в Выборг, чтобы отправиться к своему приятелю – еще по Суворовскому училищу – генерал-майору Васькову. Что именно они замыслили, честно говоря, я понятия не имею. Но афера готовится крупная. Иначе бы не хоронили сегодня полковника Павлова. Они не те люди, которые могут спокойно смотреть на то, как у них из-под носа уплывают двадцать пять миллионов евро, и по гроб жизни себе не простят, если добрая часть этих денег не прилипнет к их рукам.

Почетный караул вскинул автоматы – громыхнули холостые выстрелы. Звук повторило эхо.

– Пошли, – негромко произнес Дугин, спрятав пустую блестящую фляжку в нагрудный карман куртки.

Ларин поднялся. Мужчины, негромко переговариваясь, пошли по заасфальтированному проезду к воротам кладбища.

– Я тебе предложу несколько вариантов внедрения. А ты выберешь, какой тебе больше подходит.

– А если не подойдет ни один?

– Тогда можешь придумать свой, – пожал плечами Дугин. – Я всегда готов выслушать твое мнение. Тебе же предстоит действовать, и риск должен быть оправданным.

Дугин и Ларин продолжили разговор, уже сидя в машине. Андрей, опустив козырек бейсбольной кепки пониже, присматривался к военным, вернувшимся с кладбища. Даже если бы Павел Игнатьевич не давал никаких характеристик Рубинову, Ларин с первого бы взгляда понял, что генерал-лейтенант – проходимец. Его выдавал вороватый и одновременно надменный взгляд. И как только держат таких людей в Министерстве обороны? Их же за версту видно! Кто и почему назначает их на должности, позволяет распоряжаться миллионными суммами и судьбами тысяч людей? Сколько раз Андрей уже задавал себе подобные вопросы. А четкого ответа у него так и не появилось.

Рубинов и Слижевский садились в машину вместе. Генеральская «Волга» уехала первой. Еще один довод в пользу того, что смерть полковника Павлова была на совести генерал-лейтенанта, и чувствовал он себя на кладбище некомфортно.

– ...Ты не сомневайся, Андрей, немецкий язык у тебя почти идеальный. А небольшой акцент вписывается в рамки легенды, – продолжал говорить Дугин. – От тебя требуется совсем немного: успешно внедриться и разобраться в том, что затеял Рубинов.

– Не так уж и мало, – поморщился Ларин. – Найти общий язык с мерзавцами мне бывает сложно. Улыбаешься им, пытаешься стать своим в доску, а сам еле сдерживаешь желание, чтобы... – Андрей замолчал.

– Врезать по морде? Размозжить голову? Поверь, это самое легкое и наименее мучительное для них. А главное – абсолютно бесполезное для общества в целом занятие. Исчезнет один коррупционер – на его место придет новый, помоложе, понаглее и более голодный. Наша с тобой задача – уничтожить их репутацию, лишить власти и денег, поставить к позорному столбу. Так, чтобы другим не повадно было. Парочка публично наказанных – это всегда предупреждение для других мерзавцев. Потом десять раз думать будут, прежде чем идти на преступление.

– Да, мерзавцы всегда трусливы, – проговорил Ларин.

– Только не забывай, что трусость идет рука об руку с непомерной жестокостью. И пример убитого полковника Павлова тому подтверждение.

– Думаю, и он не был бы против того, чтобы мы пришли на его похороны.

– Ладно, забудь о грустном, – улыбнулся Дугин. – О нашей организации в России уже легенды рассказывают. Даже название ей придумали.

– Какое?

– «Белая стрела». Не знаю, почему белая, почему стрела, но почему-то прижилось. Мне, когда организацию создавал, и в голову не пришло ее как-то называть. А тебе как? Нравится?

– По мне хоть горшком называй, лишь бы в печь не ставили.

Глава 3

Генерал-лейтенант Анатолий Никодимович Рубинов мирно спал в постели, когда из-за дверей послышался пронзительный женский визг. Генерал тоненько отрыгнул, тяжело перевернулся с боку на бок, натянул на голову одеяло и попытался заснуть. Визг прекратился столь же внезапно, как и начался, но секунду спустя в соседней комнате грохнул выстрел.

Рубинов вскочил, икнул и тупо уставился на дверь. Несколько минут он пытался вспомнить, кто он такой и где находится. Сознание возвращалось медленно и с трудом. В голове плыл неясный потусторонний гул, какой обычно случается после долгой пьянки и разврата. Меньше чем через минуту заместитель начальника одного из департаментов тылового обеспечения Минобороны РФ вспомнил, что он со вчерашнего дня находится в служебной командировке в Карелии и что еще вечером он вместе со своим помощником, подполковником Слижевским, местным генералом Васьковым и тремя девками отправились в сауну окружного спецособняка. Сперва было кошмарное пьянство и обжорство. Затем – купание нагишом в бассейне. Затем вроде бы вся компания поднялась на второй этаж этого самого особняка. Затем...

Выстрел грохнул вновь – и снова за дверью истошно завизжали. Звякнуло, осыпаясь, стекло; судя по тяжелому грохоту, это был оконный стеклопакет. Генерал испуганно прикрыл голову руками, ссутулился, словно в ожидании удара, и попытался найти форменные брюки с лампасами. Брюк он, однако, не нашел, зато отыскал влажный банный халат, который тут же и накинул на голое тело. Осторожно поднялся с кровати и, силясь подавить икоту и отрыжку, подошел к двери, прислушался...

Третий выстрел наложился на истеричный женский взвизг, и за дверью грохнулось что-то массивное, не иначе как шкаф. Рубинов отскочил от двери и, вжавшись в стену, прислушался... В неожиданно наступившей тишине было слышно, как в унитазе за стенкой журчит вода, да на прикроватной тумбочке мерно и тихо тикают часы. Скосив глаза на циферблат, Анатолий Никодимович механически отметил, что теперь половина шестого утра.

Несколько минут он боязливо вжимался в стену, размышляя, что ему делать: оставаться в спальне, изобразив, будто бы он ничего не слышал, или все-таки выйти за дверь. Пока в соседней комнате царила могильная тишина, и Анатолий Никодимович посчитал за лучшее выглянуть наружу.

Хотя генерал Рубинов и прослужил в армии почти тридцать лет, увиденное донельзя впечатлило даже его.

В простенке между окнами стояла абсолютно нагая девушка, но в генеральской фуражке на голове. Непосредственно на тулье возвышалась только что открытая бутылка с шампанским, притом пена сочилась из бутылки по лицу барышни, смывая остатки косметики. Напротив, в каких-то пяти метрах, пьяно пошатываясь, стоял генерал-майор Владимир Павлович Васьков. Его рука сжимала табельный пистолет, из которого он и пытался прицелиться в бутылку на голове девушки. Пистолет в генеральской руке предательски подрагивал, и можно было не сомневаться, что Васьков не попадет в бутылку и на этот раз.

Появление Анатолия Никодимовича заставило присутствующих невольно обернуться. При этом обнаженная девица механически приложила руку к козырьку фуражки – бутылка шампанского тут же свалилась на пол и с мерзким деревянным звуком покатилась к ногам Рубинова. Владимир Павлович подумал, опустил пистолет и после паузы почти осмысленно поинтересовался:

– Что, Толян... Разбудили? Ну, ты уж извини, просто так вышло...

Анатолий Никодимович, окончательно протрезвевший, даже не знал, что ответить. Несколько секунд он растерянно молчал, затем поискал глазами, нашел стул и уселся, осматривая обстановку.

В комнате царил форменный разгром. Из простреленного окна тянуло пронзительным холодом. На полу, загаженном растоптанными бутербродами с черной и красной икрой, битой посудой, осколками бутылочного стекла и какими-то мятыми бумагами, лежал поваленный сервант. Почему-то бросалась в глаза штампованная алюминиевая бляха с инвентарным номером, привинченная к тыльной части мебели. Подполковника Слижевского нигде видно не было, и Рубинов почему-то со страхом подумал, что Владимир Павлович вполне мог его пристрелить, а тело спрятать в шкаф.

Тем временем генерал Васьков подсел к московскому гостю и, не глядя на обнаженную девушку в простенке, скомандовал:

– Зинка, вольно. Вали на хрен отсюда, тут мужики будут говорить!

Барышня тут же опустила руку и, стыдливо прикрывая промежность фуражкой, а грудь – рукой, скользнула за дверь. А Владимир Павлович как ни в чем не бывало отыскал на столе две рюмки, выплеснул из них на пол остатки спиртного и, налив водки, спросил:

– Ну что, Толик... Давай похмелимся!

Генерал Рубинов механически пригубил спиртное и тут же отставил рюмку. Потер виски, командирским взглядом обвел комнату.

– Что тут происходит? – спросил он, стараясь придать голосу начальственную окраску.

– В этого... Тиля Уленшпигеля решили поиграть, – с умным видом пояснил Васьков.

– В смысле, в Вильгельма Телля? – догадался Рубинов.

– Да один хер! Тут весь прикол вот в чем: надо кому-нибудь на голову мишень установить и выстрелить так, чтобы не в голову, а точненько в мишень. Что характерно – попасть следует с первого раза.

– И что? Попал ты с первого раза? – Анатолий Никодимович сразу вспомнил, что выстрелов было три.

– С первого раза – нет. Но если бы у меня волына с глушаком была – тогда бы точно попал. – Подняв рюмку, Владимир Павлович выпил залпом и, поморщившись, принялся осматривать стол в поисках закуски.

– Почему это с глушителем ты бы точно попал? – искренне удивился Анатолий Никодимович.

– Потому что тогда бы тебя не разбудил... У меня ж в обойме «табеля» еще пять патронов осталось!

На распухом языке Рубинова некстати завертелась мерзкая казенная фразочка «моральное разложение». Со стороны Владимира Павловича это было минимум бестактно – втягивать гостя и своего старинного друга во весь этот жуткий бардак со стрельбой по шлюхам. Ситуация выглядела предельно скользкой. Ведь неизвестно, что происходило в этой комнате, пока сам Анатолий Никодимович спал, кто все это мог видеть и кому в перспективе настучать. Да и рубиновского помощника, подполковника Слижевского, нигде не наблюдалось, и это беспокоило больше всего.

– Меня, Вова, подставляешь, – вздохнул тыловой генерал. – Неужели сам не можешь понять? И вообще – сколько тебе говорить, что в пьяном виде оружие в руки брать нельзя! И вообще – развел тут бардак...

– Да ладно, Толя, – отмахнулся Васьков. – Насчет бардака не переживай, твои замечания мы сию секунду устраним. А насчет всего остального не волнуйся. Я на этой земле царь и бог. Да мне никто и слова поперек тут не скажет!

Рубинов подумал – стоит ли ссориться с Васьковым, и решил, что не стоит. И не только потому, что оба генерала были дружны еще с Суворовского училища. Ведь в Карелию начальник департамента тылового обеспечения прибыл не просто с обычной инспекторской проверкой. Эту поездку Анатолий Никодимович готовил долго и тщательно: изучал нормативную базу, гонял финансы из графы в графу, прикидывал сметы и, естественно, подстраховывался

нужными связями. На кону стояло около двадцати пяти миллионов евро, которые, при благоприятном стечении обстоятельств, можно было бы грамотно и тихо распилить с тем же Владимиром Павловичем. Это же, в свою очередь, значило, что в отставку, до которой тыловому генералу оставалось всего лишь полтора года, он бы вышел весьма обеспеченным человеком.

А уж потому Рубинов посчитал за лучшее стерпеть все: и солдафонские замашки старого друга, и утомительные поездки по дальним гарнизонам, и некоторые неудобства, с этими поездками связанные...

– А мой подполкан где? – спросил Анатолий Никодимович.

– Слижевский или как там его? Так он еще в сауне нажрался в хлам и заснул. Не боец, банку не держит... Ладно, похмеляться будем или как? – повторил вопрос Васьков и, не дождавшись ответа, принялся вновь разливать водку. – Анатолий Никодимович, ты же свою не допил...

– Может, не стоит пить? – осторожно предложил Рубинов. – У нас же сегодня на север поездка, в этот, как его, гарнизон...

– Первомайский, – подсказал Владимир Павлович. – Так это когда еще будет! После обеда вылетаем. Я уже распорядился, чтобы нас там по полной программе встретили. А до обеда у тебя со мной знаешь сколько еще времени? Давай, давай, когда еще вот так со старым другом посидим! – с неискренним воодушевлением воскликнул Васьков, подливая собеседнику спиртного.

– Ну, уговорил, – поколебавшись, сдался Рубинов.

Конечно же, пить ему совершенно не хотелось; возраст, болячки, хмурое утро за простреленным окном... Однако Анатолия Никодимовича еще со вчерашнего дня мучил один вопрос, и лишь Васьков мог более или менее прояснить ситуацию. Тем более что разговор происходил с глазу на глаз.

Хлопнув рюмку, тыловой генерал заговорщицки произнес:

– Вова, я тут прямо вчера одно непонятное письмо получил. С угрозами. Просто в сауне все было недосуг с тобой поговорить. Из головы вылетело.

– Что за угрозы? – лениво осведомился Васьков, рассматривая этикетку на водочной бутылке.

Рубинов поискал по карманам, вспомнил, что на нем не китель, а банный халат, и, тяжело поднявшись, проследовал в спальню. Вернулся он только минут через десять, разглаживая толстыми пальцами странную бумагу.

– Посмотри, – буркнул Анатолий Никодимович, бросив листок через стол.

Васьков взял письмо. Выглядело оно весьма загадочно. Это был обычный канцелярский лист формата А4 с наклеенными буквами, явно вырезанными из газет маникюрными ножничками. Обычно письма подобного свойства получали положительные герои советских детективов середины семидесятых. Удивительно, что в век компьютерных шрифтов и лазерных принтеров человек, составивший письмо, прибегнул к такому архаичному способу сокрытия своего почерка.

– «Вали урод на хрен если с квартирами будешь хомутать ответишь по полной нам все известно», – прочитал Владимир Павлович и вопросительно уставился на Рубинова. – Так, я типа не понял. Как ты это получил?

– Вчера, в утренней почте было. Как оно туда попало – ума не приложу.

– А кто это мог написать? – напряженно прищурился собеседник. – Прямо не письмо, а какая-то анимация соплями.

– А вот об этом я у тебя как раз и хотел спросить, – мрачно ответил Анатолий Никодимович. – Ты ведь тут командующий... или как?

– То есть получается, что этому типу... как бы все известно, что мы с программой «Жилье для военнослужащих» придумали?

– Вот, – тыловой генерал протянул собеседнику еще один листок, на этот раз – ксерокопию финансового документа с грифом «Совершенно секретно».

Пробежав глазами совсекретный документ, Васьков помрачнел.

– Херня какая-то. Вроде все сходится, но ведь к этим документам только несколько человек имели право доступа... Нет, слушай, тут без поллитры действительно не разберешься. Короче, давай сделаем так: я по своим каналам пробью, какой пидор это мог сделать, а мы с тобой пока выпьем.

– За наши успехи, – насилу улыбнулся Рубинов, поднимая рюмку, и, невольно скосив глаза на странное письмо с угрозами, прошептал на выдохе: – Действительно, полная херня...

Глава 4

Фирменный поезд Москва – Выборг мерно стучал колесами по рельсам, пробегая километры, отделяющие столицу России от Карелии. За окном купе СВ ступали поздние летние сумерки. Ларин ехал один. О том, чтобы рядом с ним не было соседа, позаботились люди Дугина, выкупив оба места.

И вагон, и купе были выбраны не случайно. В соседнем купе – последнем в вагоне, направлялся в Карелию представитель строительной фирмы «Дас Хаус», которой в перспективе предстояло застраивать участок на полигоне гарнизона Первомайский. К немцу Андрей хорошенько присмотрелся еще на вокзале, когда тот топтался возле вагона и, абсолютно не скрывая плотского любопытства, разглядывал девушек на перроне, отдавая предпочтение тем, кто в мини-юбках. Уже немолодой, лет на пять старше Ларина. Волосы тронула седина. Подтянут, строен, вот только лицо болезненное, скорее всего, от пристрастия к спиртному. Хотя могли и почки барахлить. Звали высокопоставленного менеджера «Дас Хаус» Курт Бирхоф, и направлялся он в тот самый гарнизон Первомайский, чтобы встретиться с представителем заказчика – Министерства обороны, с местными властями. Наверняка во время этих встреч и должны были окончательно оформиться неофициальные договоренности: то, что и составляло суть аферы.

Багажа немец имел немного. Чемодан на колесиках и серебристый кейс с вставками из натуральной кожи, который привычно не выпускал из рук. По цепким пальцам было понятно, что, даже напившись в стельку, он не разожмет их. Кое-что о Курте Бирхофе Ларин уже знал, информацию предоставил Дугин. Он являлся доверенным посланником от руководства строительной фирмы, имевшей в Германии не самую лучшую репутацию. Не в смысле качества строительства – тут-то как раз все было идеально. «Дас Хаус» специализировался на сомнительных заказах: брался за подряды на Ближнем Востоке, где финансовые схемы не отличались прозрачностью и требовали умения давать откаты и легализовать серые деньги; строил и в России. Официально Бирхоф являлся мелкой сошкой, менеджером среднего звена, но на самом деле ему доверялись деликатные поручения, связанные с заказчиками. И в случае чего руководство фирмы всегда могло объявить его действия несогласованной самодеятельностью. За риск немец получал неплохой заработок, сопоставимый с заработками высокопоставленных менеджеров.

План, предложенный Лариным Дугину, был прост и надежен. Изобретать «велосипед» не стали. Андрею предстояло дожидаться, когда пассажиры в поезде улягутся спать, и отключить герра Бирхофа, ехавшего в гордом одиночестве в соседнем купе. Отключить можно было по-разному: оглушить, ударив сзади по голове, сделать инъекцию. Главное – не оставлять следов. На промежуточной станции бесчувственного немца дожидались люди Дугина. Очнулся бы Курт уже в гостиничном номере с несовершеннолетней проституткой в одной постели. Классическая вербовочная ситуация. На прикроватной тумбочке нашлись бы наркотики. Немец бы еще не понял, что к чему, как в номере появились бы люди Павла Игнатьевича и кое-что ему доходчиво объяснили. Мол, или возбуждается уголовное дело, или же они договариваются о взаимовыгодном сотрудничестве.

Ларин не сомневался, что не слишком-то законопослушный немец выберет последнее. Взамен за свободу сольет все, что ему известно о генеральской афере, объяснит истинный смысл документов, которые везет с собой. После чего, уже в компании с Андреем, Бирхоф прибудет в Выборг и представит Ларина генерал-лейтенанту Рубинову как своего помощника. Внедрившись и получив надежное прикрытие, Андрей бы легко сумел раздобыть компромат.

До исполнения плана оставалось немного. Хождения по вагонным коридорам прекратились, стихали в купе голоса, люди укладывались спать. Ларин сидел на мягком велюровом

диване, смотрел в темное окно на редкие огоньки и вертел в руках трехгранный железнодорожный ключ, открывающий в пассажирских поездах все без исключения двери. Время от времени он прикладывался ухом к перегородке и прислушивался к доносящимся из соседнего купе звукам. Курт Бирхоф то шелестел газетой, то булькал какой-то жидкостью, наливая ее в стакан.

– Скорее бы ты уже уgomонился, – прошептал Ларин.

И тут послышалось шуршание. Курт то ли раздевался, собираясь лечь спать, то ли, наоборот, одевался. Андрей приоткрыл дверь в своем купе и сел так, чтобы видеть происходящее в коридоре.

Немец вышел, одетый в костюм, и сразу же двинулся в тамбур. Насколько понял Ларин еще на вокзале в Москве, Бирхоф не курил. А туалет, находившийся в самом конце вагона, немец миновал, даже не тронув дверную ручку. Да и странно было то, что Курт нарядился в деловой костюм.

Андрей решил не медлить. Он выскочил в тамбур, сжимая в руке тугую полуторалитровую пластиковую бутылку с газированной минералкой. С виду безобидно, но вполне достаточно, чтобы оглушить человека, не оставив при этом на его затылке даже царапины или синяка. Ларин успел как раз вовремя. Немец уже открывал дверь, ведущую в узкий тамбур между вагонами. Тускло горела лампочка. Под ногами покачивался стальной рифленый мостик, в щелях которого стремительно проносились мелькающие шпалы, поблескивали рельсы. Андрею требовалось всего секунд десять-пятнадцать, чтобы нанести удар, подхватить обмякшее тело под руки и затащить его назад в купе. Но этих-то секунд и не оказалось в его распоряжении.

Глядя в стекло вагонной двери, он увидел отражение – приближающуюся проводницу в форменной одежде.

– Вот же черт, – Андрей спрятал бутылку с минералкой в рукав куртки.

Пришлось идти вслед за немцем, а тот особо не спешил, поскольку был немного пьян, – топал, придерживаясь за поручень. Проводница уже дышала в спину Андрею.

– Проходите, – предложил он, надеясь, что женщина обгонит их и в следующем тамбуре он останется с Куртом наедине.

– Нет-нет, – возразила проводница с милой улыбкой, – не беспокойтесь. Здесь очень узко, а я не спешу.

Миновали один вагон, второй. Наконец-то стало понятно, куда направляется немец. Пришлось и Ларину зайти вслед за ним в вагон-ресторан.

Негромко играла музыка. Скучал, протирая бокалы, официант за стойкой. Народу было немного – всего три компании. Время все-таки было позднее. Курт осмотрелся, выбирая, куда сесть, а затем устроился поближе к барной стойке.

Ларин расположился в другом конце вагона, неподалеку от выхода.

«Не нажрался? Или не напился?» – прикидывал Андрей, поглядывая на немца. – И дернул же черт проводницу идти вдоль состава. Все мне испортила. Но – это ее работа. У меня же своя служба. И мои проблемы ее не касаются».

Официант положил перед Бирхофом меню, тот принялся вчитываться, хрустя запакрованными в прозрачный пластик страницами.

– А вы что желаете? – обратился официант к Ларину. – Можем предложить фирменный супчик, салат, лангет...

– Время не обеденное, – поглядывая на Бирхофа, проговорил Андрей. – Мне чего-нибудь попроще. Скажем, стакан морковного сока, сто граммов водки и кофе с бисквитом.

– Водка, кофе, бисквит – пожалуйста. А вот морковного сока нет, – удивился такому странному выбору официант, но все же поддержал репутацию родного ресторана на колесах:

– До сегодняшнего дня просто никто не заказывал, но в следующий раз обязательно найдете его в нашем меню.

– А тогда можно почистить морковку и принести ее? Вот такую, – попросил Ларин, показывая пальцами, какого размера должна быть морковка. – Будем считать, что я заказал салат. Не удивляйтесь. У меня странность такая. Я люблю запивать водку морковным соком. Удивительное сочетание.

– Охотно верю... Что ж, чищеную морковку – это можно. Ну, и, наверное, все же двести граммов водки?

Ларин удивленно вскинул брови:

– Хватит и ста.

– Все так говорят, а потом все равно заказывают еще одну «сотку».

– И рассчитайте, пожалуйста, сразу, – предложил Андрей.

Он всегда так делал, когда приходилось вести объект в ресторане или кафе – это давало возможность, во-первых, избавиться от ненавязчивого внимания obsługi, а во-вторых, позволяло уйти в любой момент.

Немец сделал свой заказ. Когда же перед ним поставили графинчик с виски, чашечку со льдом и тарелку с порезанными фруктами, поманил официанта пальцем, что-то прошептал ему на ухо и положил на стол купюру. Официант понимающе и угодливо кивнул, ладонью сдвинул деньги в кармашек фартука, а потом уже за стойкой принялся названивать кому-то по мобильнику. В обычной обстановке Ларин, возможно, и расслышал бы просьбу немца и телефонный разговор официанта. Но мчащийся по рельсам поезд гремел. Андрей потихоньку грыз морковку и пил кофе, к водке не притрагивался. Заказал ее лишь для того, чтобы не бросилось в глаза, что в ресторан он отправился лишь с целью не упустить из виду Бирхофа.

Курт неторопливо цедил спиртное, явно ждал. Вскоре стало понятно кого. В ресторан впорхнула миловидная девушка в короткой юбке. Одета и накрашена она была настолько вульгарно, что у Ларина и сомнений не возникло в ее профессии – проститутка. Об этом же свидетельствовал и ее взгляд, с виду соблазнительный и томный, но на самом деле циничный.

Девушка, игриво покачивая бедрами, подошла к столику Курта и оперлась на столешницу ладонями, продемонстрировав накладные ногти, украшенные золотистыми блестками. Потом склонила голову к плечу и неторопливо облизала губы острым язычком.

Бирхоф молча рассматривал ее, а затем указал рукой на диван по другую сторону столика. Официант тут же принес девушке высокий стакан с коктейлем. На краю стакана белели крупинки сахара, желтел ломтик апельсина. Девушка сразу же припала к пластиковой трубке, испачкав ее помадой.

– Вы по-русски говорите? – осведомилась она.

– Естественно, и не только говорю.

– Вау. – Проститутка хихикнула.

Андрей про себя выругался. Время шло, а чертов немец теперь когда еще окажется в одиночестве? Но делать было нечего. Оставалось только ждать подходящего момента.

Андрей видел, как проститутка, сбросив туфлю, босой ногой забирается немцу под штанину, как тот криво ухмыляется, манит ее к себе пальцем и что-то шепчет на ухо.

Надеюсь, у него все в порядке со здоровьем. И он не за тем вызвал проститутку, чтобы коротать с ней время в вагоне-ресторане. Девчушка-то и трех грамотных фраз связать не может. Все «вау» да «упс». А он мужик неглупый, по глазам видно.

Проститутка чуть заметно кивнула официанту и, прихватив стакан с коктейлем, поднялась из-за стола. Немец, чуть пошатываясь, пошел за ней следом, придерживая ладонью за талию. В другой руке он держал низкий стеклянный бокал с темным спиртным, в котором, серебрясь, переливался кубик льда.

– А вы кем работаете? – проворковала девушка своему спутнику, когда миновала Ларина.

- Строительным менеджером.
- Как прикольно...

Парочка исчезла за дверью ресторана. Андрей неторопливо, делая вид, что это никак не связано с уходом немца, поднялся из-за стола, изобразил, будто вытаскивает из кармана несуществующую сигарету, и вышел в тамбур.

Сквозь стекла перехода он увидел, как Курт и девица задержались. Немец лапал проститутку, задирая ее и без того короткую юбку. Та смеялась и пыталась его образумить – мол, успеется, уединимся, и все будет по полной программе.

«Нетерпеливый. На сексуального гиганта не похож. Значит, все быстро и кончится. Скорей бы уж», – подумал Ларин, открывая дверь.

Теперь он особо не спешил, уже не боясь потерять Бирхофа из виду. Ведь тому некуда было идти, кроме как в свое купе.

Немец открыл дверь, пропустил проститутку вперед и, буквально подталкивая ее животом, зашел внутрь. Лязгнула защелка.

Андрей приоткрыл свое купе и встал в коридоре, глядя в черное, словно залитое битумом, стекло. Вагон раскачивался, грохотал, несясь сквозь ночь. Где-то негромко плакал грудной ребенок, и мать его успокаивала. За дверью сопел и постанывал немец, а девица с неискренней чувственностью имитировала возбуждение негромкими вскриками.

Андрей ждал и слушал.

– Ну, вот, и мне еще придется изображать помощника этого человека... Не думаю, что генерал-лейтенант Рубинов со своим дружкой Васьковым окажутся пристойнее его. И для пущей убедительности придется участвовать в их оргиях с попойками и бабами... Однако сам виноват. Предлагал же сперва мне Дугин и другие варианты внедрения, – бурчал себе под нос Андрей. – Ну, вот. Дело подошло к развязке...

Вроде бы все звуки свидетельствовали об этом. Курт довольно замычал, а потом почему-то совсем затих. Слышался лишь невнятный шорох одежды.

– Одевается. Сейчас выйдет, – решил Ларин. – Ну, а потом... – и он взвесил в руке тугую полуторалитровую бутылку с газированной минералкой.

Однако сегодня явно что-то не заладилось у Андрея. Хлопнула дверь в тамбуре, и в коридор вошли двое: один – долговязый с унылым лицом, второй – коренастый с рожей типичного уголовника. Даже фикса из желтого металла поблескивала все время в открытом рту. И у одного, и у другого руки густо покрывала паутина тюремных татуировок.

Ларин посторонился, желая, чтобы эти двое быстрее миновали его. Но тут случилась заминка. Коренастый уголовник смерил Андрея взглядом, явно желая, чтобы он вернулся к себе в купе. Ларин, естественно, сделал вид, что не понимает этого взгляда. Братки переглянулись. Долговязый пожал плечами, что-то вроде: пусть фраер стоит, не связывайся. Коренастый слегка прикрыл рот и занес согнутые пальцы над дверью купе Курта, чтобы постучать.

– Мужики, – абсолютно миролюбиво проговорил Андрей. – Вы дверью ошиблись, в этом купе мой приятель едет, и с вами он незнаком.

Коренастый так и не постучал, опустил руку. Еще раз смерил Ларина взглядом.

– Дядя, иди отсюда, пока тебя по-хорошему просят. И не лезь в чужие дела.

«Сутенеры, – уже окончательно убедился Андрей, – только их мне не хватало».

– Мужики, вы дверью ошиблись, – повторил Ларин. – Это точно.

– Мужики – на зоне вкалывают, – с типично уголовными интонациями проговорил коренастый. – Свалил, фраер, и быстро.

Как бы невзначай угрюмый скользнул рукой в карман и вынул складной нож-бабочку. Эффектно засверкало лезвие, завертелось между пальцами. Угрюмый делал это отстраненно, глядя при этом в другую сторону, словно рука его жила своей собственной жизнью. Наверняка

этот фокус был отработан до автоматизма и использовался уже не первый раз, когда следовало отпугнуть слишком любопытного и назойливого свидетеля.

Андрей прикидывал, как следует поступить. Затеять драку прямо здесь, в коридоре, было небезопасно. На шум наверняка кто-нибудь да выглянет. И вот тогда незаметно отключить Бирхофа не получится. Немец, под дверями которого все и произойдет, будет держаться настороже.

Внезапно сверкающая бабочка погасла, исчезла в ладони. Выражения лиц уголовников стали вполне мирными. По коридору проследовал один из засидевшихся в ресторане пассажиров. Все это время коренастый присматривался к Ларину и наверняка сообразил, что дело не так просто, как представлялось с самого начала. Не имея Андрей определенного интереса к купе немца, то постарался бы воспользоваться моментом и позвать кого-нибудь на помощь. Как минимум попробовал бы задержать проходившего, подключить к конфликту. Во всяком случае, не изображал бы, что между ним и сутенерами ничего не происходит.

– Вали отсюда, – прошипел угрюмый, а коренастый попытался схватить Ларина за руку.

Решение пришло мгновенно. Благо дверь, ведущая в тамбур, оставалась приоткрытой. Андрей, используя поручень, прикрывавший окно, как упор, ударил коренастого плечом в грудь и толкнул обоих сутенеров в тамбур, тут же захлопнул за собой дверь.

Теперь было бы достаточно выхватить пистолет. Ведь наверняка более серьезного из оружия, чем нож-бабочка, у братков не имелось. Такой аргумент подействовал бы безотказно. Но, к сожалению, пистолет оставался в купе, завернутый в полотенце и уложенный на дно сумки. А действовать надо было прямо сейчас.

Коренастый замахнулся и ударил. Андрей уклонился, и кулак с силой врезался в шершавую стенку вагона. Из сбитых татуированных костяшек брызнула кровь.

– Сука! – взвыл сутенер.

Ларин оттолкнул его от себя. В тесном пространстве бороться всегда сложнее – ни размахнуться толком, ни отбросить противника. Но трудности эти существовали для обеих сторон. Андрей толком не успел заметить, как угрюмый скользнул вдоль стены, оказался у него за спиной и крепко схватил сзади.

– Бей его в дыхалку, – прохрипел он, и коренастый успел-таки врезать.

Напряженные мышцы пресса сделали удар почти нечувствительным, но промашек Ларин не прощал ни себе, ни другим. Резко присев, он перебросил угрюмого через себя и отступил к двери вагона, за стеклом которого грохотал, мелькал освещенными окнами пассажирский поезд.

– А теперь – оба исчезли, – произнес Андрей. – И исчезли надолго, если жить хотите.

– Ты что, мент? – прохрипел коренастый.

Угрюмый уже поднялся на ноги и вытащил нож-бабочку. На этот раз он уже не играл лезвием, а просто держал руку, приготовленную для удара.

– Да какой он, на хрен, мент? Просто крутого из себя строит. Киношек насмотрелся.

– Ты хоть понимаешь, кто мы такие? Да мы пацаны, мы тебя вмиг попишем, без глаз и ушей останешься.

Сверкающее лезвие несколько раз эффектно рассекло воздух. Угрюмый действовал ножом виртуозно. Окажись в это мгновение в воздухе лист папиросной бумаги – острое нарезало бы его на лапшу.

– Нормальному пацану сутенером быть западло. Суки вы позорные, и мастюхи у вас липовые, – Ларин специально провоцировал злость у случайных противников, так некстати вмешавшихся в ход операции по похищению Бирхофа.

Андрей уже держал за спиной зажатый в кулаке трехгранный железнодорожный ключ. Замок двери был отперт, оставалось только отпустить ручку.

– Попишу гада! – хрипло выдохнул угрюмый, глаза его налились кровью.

Наверное, Ларин попал в цель. Может, уголовник и имел когда-то ранг на зоне, но не выше баклана, а потом или ссучился, или его опустили. Так что за татуировки он «ответить» не мог, кроме как ножом.

Угрюмый бросился на Андрея, бросился стремительно, желая припечатать к двери, а уж потом «пописать лицо перышком». Ларин опустил ручку двери и буквально вжался в стену. Угрюмый так и не успел затормозить перед внезапно распахнувшейся дверью, за которой с грохотом мелькал ночной пейзаж. Для надежности Андрей еще и ногу подставил. Взмахнув руками, угрюмый в мгновение ока исчез в ночной темноте. Даже звук падения не был слышен, он потонул в перестуке колес.

Коренастый стоял, широко раскрыв глаза и рот. Он не мог взять в толк, как все произошло. Был дружок – и исчез... Ветер врывается в тамбур, упруго бил в лица, трепал одежду. Ларин сделал два шага вперед. Коренастый испуганно осматривался, искал, что бы ему схватить в руку. Но в пустом тамбуре ничего подходящего не попадалось. Андрей не стал церемониться и тратить время на слова. Просто схватил упирающегося сутенера за грудки, протаскил сквозь тамбур и вышвырнул в ночь.

Ветер захлопнул дверь. Трехгранный ключ провернулся в замке. Расправляясь с подобной публикой, Андрей не испытывал угрызений совести. Они были ничуть не лучше тех высокопоставленных коррупционеров, которые его стараниями покинули этот мир или превратились в «звать тебя никак и фамилия твоя никто». Если кто-то из двоих при падении выживет, пусть себе. Сломают шею, никто плакать не будет.

Ларин отряхнул брюки и вернулся в коридор. После грохота и свиста ветра ему показалось, что здесь царит полная тишина. Дверь в купе Бирхофа закрыта. Проститутка могла и убежать. Некогда было во время драки посмотреть в стекло, а вот она могла и заглянуть.

Андрей напряг слух, приложил ухо к двери – полная тишина. Он осторожно опустил ручку, дверь оказалась закрыта изнутри. Тогда вставил железнодорожный ключ в отверстие, провернул его, быстро вошел в купе и защелкнул за собой дверь.

На полу тускло горел выроненный фонарик. Девушка жалась в углу купе и смотрела на Ларина широко открытыми испуганными глазами. Голый немец, прикрытый до пояса простыней, лежал на диване: рот открыт, неподвижные глаза уставились в потолок.

Жизнь Андрея складывалась так, что бывший наро-фоминский опер видал мертвецов довольно часто. Ларин приложил пальцы к шее немца – пульсации крови не чувствовалось.

– Готов. Спекся папуас, – проговорил он зло.

– Я... я... я ни при чем... не виновата... он виагры обожрался... вот... – проститутка подхватила со столика нетерпеливо разорванную упаковку, – сердце и не выдержало...

– Врешь, дура, – Ларин присел на диван, запрокинул голову. – Ты ему перед этим клофелина в спиртное подлила.

– Я... я...

– А потом, когда эта дрянь случилась, – Андрей указал на мертвого немца, – хотела бутылочку в окно выбросить. А тут кондиционер стоит, и рама наглухо закрыта. Вот ногти свои дебилские в золотых блестках и обломала.

– Что теперь будет? – захныкала проститутка. – Я же не хотела, – и она бросила взгляд на дверь.

– На дружков своих можешь не рассчитывать. Не придут они, – произнес Ларин и зевнул, почувствовав страшную усталость.

– Почему? – вырвалось у девушки, и она зашмыгала носом.

– Погулять вышли на свежий воздух, – раздраженно проговорил Андрей, проклиная сегодняшний день.

– Как это? Станции же не... – проститутка осеклась, наконец-то сообразив, в чем дело.

Она чувствовала силу, исходившую от Ларина. По его глазам видела – этот человек способен, если потребуется, убить. И глазом не моргнет. И не из мести убьет, не ради наживы, а только потому, что этого требуют интересы дела.

– Не трясись и сопли не распускай. Не люблю. Тебя не трону. Короче, так – собралась и исчезла. Сошла на ближайшей станции и вернулась домой. Дружков не ищи, вряд ли они вновь появятся в твоей жизни. А про немца забудь. Поняла?

– Поняла, – прошептала проститутка, хотя в ее глазах читалось, что она ровным счетом ничего не понимает. – Так я пошла? – неуверенно спросила девица, опуская ноги на пол.

– Не так сразу. Для начала юбку обтяни, а еще бумажник этого господина хренова здесь оставь.

– Вау, – тихо проговорила железнодорожная путана, выкладывая на столик дорогое мужское портмоне.

– Не «вау», а «упс», мародерка чертова.

– Я не мародерка, а честная девушка легкого поведения, – обтягивая до неприличия короткую юбку, возразила проститутка. – Я ему, кстати, даже искусственное дыхание делать пыталась и закрытый массаж сердца. Ничего не помогло. Не верите?

– Может, и верю. Только толку теперь от этого нет. Иди отсюда, и без тебя тошно.

– А как же вы?

– Как-нибудь и без сопливых разберусь.

Проститутка исчезла. Ларин не сомневался, что она в точности последует его совету – не станет никого беспокоить, а о немце постарается забыть как можно скорее.

Андрей закрыл дверь на защелку, посмотрел на мертвого Курта Бирхофа.

– И надо тебе было это сомнительное удовольствие, идиот несчастный? Все испортил... А ведь так неплохо начиналось! Приличные, добропорядочные люди обычно умирают в своей постели, окруженные детьми и внуками. А ты в чужой стране на казенном белье да на продажной сучке...

Маячившие перспективы мгновенно закрылись вместе с возможностями. План, составленный Лариным и утвержденный Дугиным, пошел прахом.

Поезд мчался в ночи, приближаясь к станции, на которой Андрея уже поджидали люди, присланные Павлом Игнатьевичем. Вот только в этом Ларин уже не видел никакого толка.

Состав сбавлял скорость. Вагон раскачивался на стыках, за окнами проплывали желтыми колючими одуванчиками станционные фонари. Скрипнули тормоза, лязгнули сцепки, и поезд замер. За окнами коридора высилось здание вокзала. Никому из пассажиров вагона, в котором ехал Ларин, станция не была нужна – никто не вышел, никто не зашел.

Андрей выбрался в тамбур, выглянул в окно на другую сторону от здания вокзала. Тут было темно, ближайшие фонари погашены. Чувствовался почерк Дугина. Даже о такой мелочи, как светомаскировка, он позаботился.

«Ну, и где же они? Даже огорчить некого», – подумал Ларин, глядя на пустой перрон.

И тут со стороны диспетчерской вышки неярко блеснули фары. Вдоль состава катил электрокар с парой багажных тележек. Машина почти беззвучно приблизилась к вагону и остановилась точно напротив двери. За рулем сидел мужчина в форменном комбинезоне и кепке. Еще двое разместились на потрепанных дерматиновых сиденьях прямо за ним. Андрей открыл дверь и тут же, к своему удивлению, узнал в водителе электрокара самого Дугина.

– Давай быстрее, – по-деловому скороговоркой проговорил Павел Игнатьевич, но, встретившись с Лариным взглядом, тут же поинтересовался: – Все в порядке?

– Если бы.

Андрей пропустил Дугина в купе, прикрыл за собой дверь. Павел Игнатьевич даже тихо присвистнул от разочарования.

– Вот уж точно в народе говорят: блядство до добра не доводит, – сказал он, глядя на мертвого немца.

– Вот такая вот, Павел Игнатьевич, «финита ля комедия». Даже самому противно. А еще собирались изобретателям виагры Нобелевскую премию присудить. А им, как видите, руки поотбивать мало.

– Насчет Нобелевской премии не знаю, – вздохнул Дугин, – но мы с тобой оказались в непростом положении.

– Слабо сказано – в безвыходном.

– Есть предложения? Стоянка-то совсем короткая.

– Да думал уже. Забираем его ноутбук, документы, оставляем все, как есть. Я остаюсь с вами, и пробуем разобраться в информации самостоятельно.

– А этот пусть дальше едет? – Дугин указал на Бирхофа. – Подарок жителям Выборга?

– Ну, и что такого? Дело-то житейское, как говаривал сказочный Карлсон с пропеллером. Утром его обнаружит проводник. На столе пачки презервативов, упаковка виагры, а у мужика остановка сердца. Картина для следователей предельно ясная.

– Ты о работе следователя не беспокойся. У нас времени нет абсолютно. Так мы только спугнем Рубинова с Васковым. Они-то заподозрят, что этого клоуна специально убрали, чтобы документы похитить. Поменяют планы, перенесут застройку в один из других гарнизонов. Мы за всем не уследим. В армейской среде наших людей мало, полной картины я получить не смогу. А мы должны пресечь первую же попытку раздербана бюджетных денег. Они сейчас пилотный вариант аферы обкатать решили, и мы не имеем права позволить им это сделать. Так что едешь до Выборга.

Двое спутников Дугина с каменными лицами делали свою работу: торопливо вынесли из вагона багаж немца, затем и его самого, завернутого в кусок брезента. Белье, бокалы, пачки виагры и презервативы оставили на столике. Дугин с Лариным стояли в это время в коридоре и торопливо продолжали обсуждать сложившуюся ситуацию.

– ...ну, хорошо, приеду я в Выборг, доберусь до гарнизона и кем представляюсь? Да со мной никто разговаривать не станет, а уж тем более откровенничать. Мне нужно новое легендирование. Ну, скажем, приехал с заданием журналист, аккредитованный при Министерстве обороны, или еще какая-нибудь хрень...

– Придумаем, Андрей. Не в первый раз. Что-нибудь обязательно придумаем. И очень быстро. Ну, все, я пошел.

Спутники Павла Игнатьевича загрузили мертвое тело в большой картонный ящик на багажной тележке. Дугин сел за руль, и электрокар, развернувшись на узком перроне, покати к диспетчерской башне.

Поезд тронулся. Ларин закрыл дверь и вернулся к себе в купе.

– Вот же дрянь. Не люблю сюрпризов и импровизаций. Доехать-то до конечной станции я доеду, а дальше что?

Глава 5

Военно-транспортный вертолет, подобно гигантской стрекозе, скользил над темно-зеленым лесом. Негромко рокотал двигатель, яркое солнце дробилось во вращающихся лопастях. Пилот уверенно ворочал штурвалом, то и дело поглядывая в штурманскую планшетку. До Первомайского, конечной точки полета, оставалось еще минут сорок.

Анатолий Никодимович сидел у иллюминатора, вслушиваясь в свои ощущения. Пьянка давала о себе знать: распирало мочевой пузырь, к горлу тугим комом подкатывала блевотина. Больше всего на свете ему теперь хотелось в сортир. Однако еще больше хотелось выспаться. Ведь спать Рубинову пришлось лишь несколько часов – Васьков не отстал от него, пока они вместе не придушили литруху водки.

Сам Владимир Павлович, с непроницаемым лицом, в отутюженном генеральском камуфляже, сидел напротив. Глядя на него, человек непосвященный вряд ли бы сказал, что все предыдущие сутки товарищ генерал предавался исключительно пьянству и блуду. Его свежепобритые щеки источали аромат терпкой туалетной воды. Глаза Васькова выглядели абсолютно трезвыми, необычайно суровыми и чуточку уставшими – как и полагается по должности и званию. Владимир Павлович снисходительно поглядывал то на старого товарища, то на его помощника, подполковника Слижевского, который, согласно субординации, сидел чуть поодаль.

– Вова, расскажи мне про этот гарнизон, – попросил Рубинов, поминутно прислушиваясь к процессам в организме. – Сколько личного состава, какие у них там жилищные условия... Что это вообще за гарнизон?

Васьков глянул в иллюминатор. Под фюзеляжем, насколько хватало глаз, простиралось «бескрайнее море тайги».

– Ну, что тебе сказать? Тут Север. Закон – тайга, хозяин – медведь, – со знанием дела пояснил Владимир Павлович. – Первомайский – не самый образцовый гарнизон, комиссии и проверки я туда стараюсь не возить. Дичь, глушь беспросветная; летом – гнус, зимой волки воют. Туда в основном не самых благонадежных офицеров отправляют. Или тех, кто залетел по пьянке или бытовухе, или слишком борзых, или тех, кому вообще дальше ничего не светит, а просто надо до пенсии дотянуть. Правда, для усиления боеспособности бросаем туда и нормальных командиров, особенно тех, кто в горячих точках повоевал. В результате – паритет дегтя с медом. На Красную площадь эту часть, конечно, не выведешь, но и особо ругаться никто не будет.

– Я тебя про личный состав спрашиваю, – напомнил Рубинов, морщась.

– А-а-а... Учебный арtpолк – раз. Не кадрированный, кстати. Склады боеприпасов – два, там отдельная рота охраны. А год назад мне еще отдельный инженерный батальон навязали, пришлось и их в Первомайском расквартировывать.

– Ого, сколько! – оживился тыловой генерал. – А что у них с жильем?

– Для холостяков – офицерское общежитие, как и положено. Для семейных – четыре пятиэтажки в военном городке. Остальные живут где придется... Квартирные, естественно, все, как и положено.

Рубинов прищурился, прикидывая количество офицеров. Число людей, нуждающихся в новых квартирах, получалось серьезным – даже чуть большим, чем он рассчитал в Москве.

– Олег, подойди-ка, – тыловой генерал кивнул подполковнику Слижевскому, подчеркнуто щеголеватому, напоминающему марьяжного валета. – Я-то в арифметике не силен; потом посмотришь, подбьешь и мне полную выкладку составишь. Ну, сколько там и кому квадратных метров на подотчетную душу надо выделить, с учетом детишек... Ну, и все такое прочее.

Тот в знак согласия кивнул.

– Все будет исполнено в лучшем виде. Если хотите, могу заняться подсчетами прямо сейчас, – подполковник извлек из чехла ноутбук.

– Да не надо, ты же еще точных цифр не знаешь! – замахал руками Васьков. – Я тебе на будущее!

Вертолет несколько раз трянуло – видимо, он попал в зону турбулентности. Рубинов инстинктивно схватился за живот и, почувствовав, как корень языка тонет в подступившей рвоте, судорожно поднялся и рванул в сортир.

Когда же он вернулся, рядом с его креслом стояла стюардесса с подносом в руках. Поставив стакан в подстаканнике на дубовый столик, она обворожительно улыбнулась, словно демонстрируя, что вся ее предыдущая жизнь была прелюдией к встрече с товарищем генералом.

– Нравится? – заговорщицки подмигнул Васьков. – Вольнонаемная. Специально для тебя взял. Я ведь, Толя, все твои вкусы еще с Суворовского изучил.

– Спасибо, – Анатолий Никодимович с тоской подумал, что сегодняшний вечер опять будет посвящен пьянству и блуду, только уже на новом месте.

– Не за что. Знаешь, я только недавно одну штуку осознал. Насчет службы, – разоткровенничался Васьков. – Генерал – это не звание...

Потягивая горячий чай, Рубинов наконец ощутил облегчение. Странное письмо с невнятными угрозами, которое так беспокоило его еще сегодня утром, теперь казалось ему чьей-то детской шалостью, глупым розыгрышем. Да и чего, собственно, переживать?

– А что же такое генерал? – лениво осведомился Анатолий Никодимович.

– Генерал – это счастье, – серьезно сообщил собеседник. – А счастье, как ты сам, наверное, понимаешь, просто так человеку не дается. Мы, Вова, с тобой судьбой отмечены. То есть нам можно все, и нам ничего за это не будет.

– Вот нам самое время и подумать, как один гарнизон в Первомайском сможет двух генералов прокормить, – улыбнулся начальник департамента тылового обеспечения. – Послушай, а в этом Первомайском, как я понимаю, и контрактники есть?

– В инженерном батальоне – почти все на контракте, – с готовностью подтвердил Владимир Павлович. – Тут ведь рядом довольно большой районный центр, а работы для мужиков почти никакой. Четыре предприятия, из которых три еще с девяностых закрыты. Вот молодые после срочной и остаются в армии: их кормят, поят, регулярно зарплату выдают... Профессию на халяву получить можно: водила, экскаваторщик, бульдозерист. Да и бабам мужики в форме всегда нравились.

– А ты в курсе, что контрактникам по новому закону положено комфортное общежитие с определенными стандартами жизни? – аж залоснился от счастья Анатолий Никодимович и, столкнувшись взглядом со старым другом, безошибочно определил, что тот понял правильно.

Напоминание о контрактниках явно оживило старых друзей. Они спокойно, со вкусом профессионалов поговорили об инфраструктуре военного городка, о современных стандартах жизни, нелишних и для контрактников Западного военного округа РФ, о детском садике, который наверняка нужен офицерским детишкам, о новой школе с компьютерами, о хорошей амбулатории.

Рубинов плавно развивал тему:

– И это только начало. Ты ведь с Федеральной программой об обеспечении военнослужащих жильем наверняка ознакомился подробнее после того, как мы с тобой переговорили? Первомайский – это только один гарнизон, первый. Ты ведь представляешь, какое бабло под это отпущено? То-то!

Вертолетный двигатель урчал с умиротворяющим однообразием. Винты уверенно рубили вечерний воздух. Анатолий Никодимович, перебрасываясь с Васьковым короткими фразами, поглядывал в иллюминатор. Бесконечный лес под фюзеляжем закончился. Теперь

внизу простирались унылые ржаво-зеленое болота, едва поросшие скудной растительностью. До взлетно-посадочной площадки в Первомайском оставалось не более пятнадцати минут.

И тут в фюзеляж словно ударило из огромной пращи. Удар был настолько силен, что вертолет буквально подбросило в воздухе. Двигатель тут же зашелся в кашле, заработал с перебоями. Ротор оглушительно загрохотал в своем кожухе, и огромная темно-зеленая стрекоза отчетливо клюнула носом.

Анатолий Никодимович явственно ощутил вонь раскаленного металла. Он судорожно вцепился в подлокотники и вопросительно взглянул на Васькова.

Тот, с расширенными от ужаса глазами, придушенно прошептал:

– Это ракета, точно... «Игла», не иначе.

Винтокрылая машина стремительно теряла высоту. Вертолет несколько раз качнуло, и он угрожающе наклонился, грозя в любой момент завалиться набок.

Лица обоих генералов синхронно затекли гипсовой бледностью. Кто-кто, а они прекрасно понимали: аварийный вертолет с вращающимися винтами – это летающая мясорубка в свободном падении. Ведь двигатель вертолета расположен сверху, прямо под несущим винтом, и в случае катастрофы винтокрылая машина норовит перевернуться брюхом вверх еще в воздухе. Прыгать с парашютом нереально – любого десантирующегося винты мгновенно порубят на куски. В топливных баках полно горючего, которое наверняка полыхнет при падении. А это значит, что и экипажу, и пассажирам рассчитывать совершенно не на что...

Неожиданно двигатель истошно взвыл, но тут же смолк; видимо, пилоты вырубili движок и загнали лопасти во флюгирование. В нереальной тишине послышался свист испаряемого воздуха.

Резкий удар о землю, омерзительный скрежет ломаемых лопастей, пронзительный звон разбиваемого стеклоколпака...

Прошла минута, две, три...

Анатолий Никодимович испуганно открыл глаза и с удивлением обнаружил, что он еще жив. Оказывается, вертолет упал в торфяное болото, и это обстоятельство не позволило взорваться топливным бакам. Да и результаты самого падения были не столь катастрофичными, как если бы вертолет упал на твердый грунт.

Теперь винтокрылая машина лежала в торфянике на правом боку и медленно, но ощущаемо проваливалась в бездонную топь. Сквозь разбитые иллюминаторы вовнутрь натекала черно-зеленая жижа. Где-то совсем рядом слышались стоны. Из кабины доносилась чудовищная матерщина – видимо, кого-то из пилотов зажал в кресле.

Рубинов, вытирая с разбитого лица кровь, с трудом поднялся из кресла и тут же заметил Васькова – тот медленно полз по направлению к выходу.

– Толя... – умоляюще прошептал Анатолий Никодимович. – Толя... не бросай меня, я ранен, утону на хрен, я же плавать не умею... Толя, пожалу-у-уйста!..

* * *

Последствия катастрофы оказались не такими масштабными, как можно было ожидать: трое легкораненых, в том числе и генерал Васьков.

К счастью, вертолет упал неподалеку от небольшого островка на болоте, и это позволило потерпевшим катастрофу выбраться из салона и быстро связаться с Первомайским. Уцелевших оперативно забрали в гарнизон на амфибии.

Как и положено, комиссия по расследованию случившегося была сформирована уже на следующий день. Ни сам вертолет, ни так называемые «черные ящики» поднять не удалось: обломки винтокрылой машины ушли в болото буквально за считанные часы. А уж извлечь их

из топи не было никакой возможности: ведь никто, даже самые продвинутые почвоведы до сих пор не могут определить глубину северных болот.

Таким образом, ситуацию могли прояснить только допросы свидетелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.